

Алла Марголина

Из сожженной рукописи

Персидская миниатюра

Густые, как насурьмленные брови
и угольные длинные глаза.
Грузинская речная бирюза
безропотно ложится в изголовье.
И в храмовом молчанье липы лист,
чуть слышно всхлипнув, падает на шею,
где жилка бьется истоиво, и triste
тебе сказав, я снова онемею.
Грусть вечера, и Грузия, и мы
лицом похожи, осень в изголовье.
Персидские изогнутые брови
и примесь архаической сурьмы
в печали...

Твалеби (глаза)

Твоих угрюмых глаз притушенный огонь
и темный бархат,
исконная сквозящая в ресницах боль
и скованная яркость.

В ладони крепкой глиняный кувшин
с истоков родниковой водой
и глиняная смуглость у морщин,
бегущих к смеху глаз на водопой.

* * *

Я сижу в чужой квартире.
Пусто. Вечер. Я одна.
Ухищренья быта вечны,
но и я себе верна.

Вечер холоден. Огни
голубые холодны
фонарей, и, чужд примет,
рядом бродит нежный Фет.

Я все чаще вспоминаю
камни, улицу одну:
вместе мы по ней спускались –
не подняться одному.

* * *

В моих странствиях снится мне дом,
Где всегда говорят не о том,
Где найду себе место едва ли,
Где и ждали меня, и – не ждали.
И язык мне как будто знаком –
Только вот не припомню, откуда.
Но проникнусь строкой – и, о чудо –
Говорю, но совсем не о том.
Может быть, это вовсе не я,
Но кругом обступили друзья.
Мне предъявлен стихов моих том –
А слова – не о том, не о том.
Там обид моих перечень полный,
Ласка, море, дремотные волны...
Только-то? Это жизни цензура
Обернулась пустыней цезуры.
Но за что, ради Бога, за что?

США